

Иермеявич Эндом.
Мѣсто выхода ея: Сибь

Дата и № 11570 14/2 1910

«Сверн. св.»

Впечатлѣнія бытія.

ПАНИХИДА.

ПАМЯТИ КОММИССАРЖЕВСКОЙ.

I.

Мужчины въ черныхъ сюртукахъ, дамы въ траурныхъ платьяхъ. Въ воздухѣ — запахъ ладана, въ глазахъ — печаль. Священникъ, мѣрно покачивая кадильцемъ, тихимъ теноромъ читаетъ возгласы, въ нотаціяхъ придерживаясь минорной гаммы. Дьяконъ густымъ, сосредоточеннымъ басомъ подтверждаетъ общее горе, а стройный хоръ величественными модуляциями обѣщаетъ другую жизнь — безъ печали, безъ воздыханія, безконечную.

Протянулся и замеръ послѣдній аккордъ. Священникъ обернулся лицомъ къ молящимся и сказалъ «слово». Но это было общее «слово», приготовленное имъ еще въ богословскомъ классѣ семинаріи, по классу гомилетики: «Надгробное слово по случаю кончины именитаго гражданина».

Онъ говорилъ, что мы понесли великую утрату, и что горю нашему нѣтъ границъ, но утѣшалъ насъ тѣмъ, что родная нива наша богата дарованиями, и, несомнѣнно, на землѣ утраченнаго, вскорѣ явится другое, столь же смѣлое и прекрасное. «Талантъ, — краснорѣчиво вѣщалъ священникъ, — это свѣтильникъ Божій. Можетъ разрушиться сосудъ, въ коемъ онъ водруженъ, но самый свѣтильникъ никогда не погаснетъ. И онъ горитъ уже въ другомъ сосудѣ, но мы его еще не видимъ, но скоро увидимъ». Тѣмъ же, кто человѣчески скорбитъ о кончинѣ близкаго, любимаго друга, священникъ далъ иное утѣшеніе: умерло только бренное тѣло, бессмертная же душа воспарила въ горня, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія, а есть жизнь безконечная.

II.

Такъ говорилъ священникъ, и въ голосѣ его звучалъ гомилетическій налетъ грусти. Такъ говорилъ онъ и вчера, когда огнѣвалъ именитаго кушца, и недѣлю тому назадъ, когда предавалъ землѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера. Его «слово» было неофициальной частью обряда, и онъ только добросовѣстно исполнялъ свою обязанность.

Онъ говорилъ объ утратѣ, но онъ не занимался искусствомъ, онъ никогда не былъ въ театрѣ, а потому не зналъ и не могъ знать, какая это утрата. Свѣтильникъ, о которомъ онъ говорилъ, никогда не свѣ-

титъ ему, и не могъ онъ знать, что такое и свѣтильникъ, если не лопосъ, не выветръ съ душой отлетѣлъ въ горня. Да, онъ правъ, родная нива богата дарованиями, и возгнутся еще многіе свѣтильнички, но какой уже не зажжется. Будутъ таланты, будутъ гени, будутъ яркіе и красивые огни, но такого огня уже не будетъ, ибо онъ могъ вмѣстяться только въ одномъ сосудѣ, который разрушился. И тогда священникъ кончилъ свое «слово», выступили другіе. Это были тѣ, на чьихъ глазахъ возмется и горѣлъ свѣтильничекъ. Отъ нихъ можно было ждать настоящаго открытія истины.

Одинъ сказалъ: «Истинные цѣлители искусства оплакиваютъ незамѣнимую потерю. Это былъ нѣжный, оранжерейный цвѣтокъ, который не вынесъ суровыхъ морозовъ нашей страны. Зачѣмъ вынесли его на улицу? Его надо было держать въ теплѣ, беречь отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра... Здѣсь говорили, что стража наша богата талантами. Это правда. Но истинно счастлива страна, которая не только богата талантами, но умѣетъ беречь ихъ. Мы не сумѣли сберечь этотъ талантъ и за это страшно наказаны: мы лишены его навсегда...»

Другой сказалъ: «Въ талантѣ сравнилъ съ нѣжнымъ оранжерейнымъ цвѣткомъ. Я сравню его съ персикомъ, который выросъ и созрѣлъ подъ теплымъ небомъ юга. Его надо было осторожно вынимать изъ ваты, показывать и опять прятать въ вату. А мы положили его на блюдо и вынесли на площадь, гдѣ онъ подвергся твердому дѣйствію стихій...»

III.

Говорилъ третій, говорилъ четвертый и пятый и еще многіе, и всѣ говорили красиво, каждый выступалъ съ какимъ-нибудь заранее приготовленнымъ остроумнымъ сравненіемъ, которому хотѣлось аппелировать. Говорили разные — съ бородами, съ густыми усами, совершенно бритые, лысые и съ кучей волосъ на головѣ, молодые и старые, люди съ извѣстными именами и такіе, про которыхъ спрашивали: «Кто это?».

Говорили разное, цѣнили и такъ, и этакъ, но всѣ сходились въ одномъ: что русское искусство понесло незамѣнимую утрату.

И среди этихъ красивыхъ литературно-составленныхъ рѣчей, въ которыхъ всѣ части были гармонически расположены, положенія разъяснены мѣткими сравненіями, въ мѣру было допущено пафоса, а гдѣ это было умѣстно дрожали тихія слезы и изъ всего этого были сдѣланы точные и ясные выводы, — вдругъ раздался слегка сильный, грубоватый, рѣзкій, крикливый голосъ. Странный голосъ, похожій на тыяту голубовъ, слившихся въ одномъ голосѣ. Онъ раз-

давался изъ гушины людей, наполнявшихъ комнату и, казалось, что онъ говоритъ разомъ во всѣхъ углахъ, и на улицѣ, и за сотни версты. И не было лица, никто не видѣлъ лица говорившаго, никто не зналъ, какого онъ роста, вѣса и возраста, блондинъ онъ или брюнетъ, какіе у него волосы и глаза.

Онъ говорилъ:

— Неправда, ложь, все ложь, отъ начала до конца! Не скорбь говорить въ васъ, а все та же гомилетика, только не семинарская, какъ у батюшки, а литературная. Я — публика, я — наивная, непосредственная толпа. Я лишена гомилетичекой какой бы то ни было, мнѣ чужды ухищренія тонкихъ стилей. Я зажигаюсь и воспаляюсь прямо отъ свѣтильничка и горю всенародно, со всѣхъ концовъ и изнутри, какъ горитъ зажженный молніей стогъ соломы. Этотъ свѣтильничекъ Божій, — я зажглась отъ него съ перваго же его появленія на сценѣ и горѣла до самаго печальнаго конца, горѣла въ Петербургѣ, въ безчисленныхъ городахъ Россіи, въ далекой Сибири, въ еще болѣе отдаленной культурной Америкѣ и въ дикихъ Самаркандѣ и Ташкентѣ.

Такъ дайте же мнѣ сказать. Уже я то знаю, что такое былъ этотъ свѣтильничекъ, какой огонь горѣлъ въ немъ, и чѣмъ онъ зажигалъ, и какіе вѣтры задували его. Дайте же мнѣ сказать!

IV.

Я до сихъ поръ молчала. Я много лѣтъ молчала. Я видѣла и понимала все. Но я горѣла, все время неистово горѣла, и мнѣ было не до того. Я не могла говорить, потому что уста мои были заняты восторженными кликами. Теперь, увы, я получила возможность говорить...

Что здѣсь сказали? Что это былъ нѣжный оранжерейный цвѣтокъ или хрупкій персикъ, который надо было держать въ ватѣ?

Но тѣ, что говорятъ это, были слѣпцами и теперь слѣпцы. Да, да, они такъ именно и смотрѣли и хотѣли этотъ талантъ держать въ ватѣ, чтобы изрѣдка показывать его и опять прятать, больше прятать, чѣмъ показывать. Нужно-ли это было имъ, или они дѣлали это добросовѣстно, не знаю, но знаю, что отъ этого произошла вся трагедія.

Оранжерейный цвѣтокъ? Хрупкій персикъ?

Какое заблужденіе! Талантъ, который однимъ взмахомъ крыла разорвалъ цѣпи спокойнаго, обезпеченнаго существованія, и, выправившись на волю, страстно и трепетно, съ неукротимой энергіей строилъ свой храмъ своему богу и служилъ въ немъ день и ночь, не покладая рукъ... Талантъ, который, встрѣчая со всѣхъ сторонъ препятствія и

вражду, впадалъ въ заблужденія и неся всѣ послѣдствія ихъ, никогда не падалъ духомъ, а всегда начиналъ вновь, съ новой энергіей, съ неукротимой вѣрой въ свое призваніе и служеніе, — такъ это оранжерейный цвѣтокъ, хрупкій персикъ, который держатъ въ ватѣ?

Заблужденіе! Оранжерейными цвѣтами и хрупкими персиками, вѣрнѣе, стали тѣ, что сидятъ многіе десяти лѣтъ на неизмѣнно обезпеченномъ коштѣ. Они ровно и стройно свершаютъ свое артистическое шестіе, они никогда не впадаютъ въ ошибки, потому что они никогда не рискуютъ.

А она — вся ея карьера была рискомъ, и рисковала она не для себя, не для корысти, потому что одного ея слова было достаточно, и любой театръ предоставилъ бы ей богатое обезпеченное мѣсто, и не для славы, — потому что слава, съ перваго появленія ея на сценѣ, лежала у ея ногъ, а для служенія своему богу, для приближенія къ идеалу.

V.

День и ночь въ работѣ — оранжерейный цвѣтокъ. Терпя ежегодно убытки въ Петербургѣ, она каждое лѣто обѣзжала Россію, выходя изъ вагона только для того, чтобы сыпать, не спя ночей, встрѣчая тысячи огорченій и все это для того, чтобы, сбрывъ тысячи, снова бросить ихъ въ Петербургѣ на первое печальное истинно въ искусствѣ, — хрупкій персикъ. Ее видѣли слабой тѣломъ, блѣдной, кашляющей, недомогающей, въ концѣ утомленной; но кто видѣлъ ее ноющей, упавшей духомъ, опустившей руки? Развѣ на минуту, чтобы потомъ опять воспрянуть и создавать новое. Такъ вотъ онъ, этотъ оранжерейный цвѣтокъ, этотъ хрупкій персикъ, который надо было держать въ ватѣ.

Но почему же онъ погибъ, этотъ неистощимый источникъ могучей энергіи? Злая болѣзнь въ далекомъ безпомощномъ краю пришла, чтобы отравить и разрушить ея тѣло. Но трагедія ея духа завершилась раньше. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы читали въ газетахъ ея письмо, мы были свидетелями того, какъ цвѣтущій талантъ наложилъ на себя руки.

Она говорила тогда: «я дошла до предѣла, дальше идти не куда». Это говорила уже въ концѣ уставшаго духа, въ которой всѣ силы были отравлены непрерывной борьбой.

Что же это за отравка, которая могла развѣстать и такую душу? Ахъ, я — публика, я только смотрю на прекрасныя произведенія искусства и люблюсь ими, но я чулко прислушиваюсь ко всему. И вотъ я слы-

шала, до меня доходило: что чудныя произведенія искусства дѣлаются въ мастерскихъ, гдѣ повсюду навалена грязь, а воздухъ отравленъ убойственными испареніями. Зависть, клевета, подсиживанье, подставленіе ножекъ, бросаніе палокъ въ колеса... Надо имѣть особый, приспособленный къ этимъ ужаснымъ условіямъ, организмъ, чтобы вынести борьбу и выйти побѣдителемъ. Надо заглушить въ себѣ многое человѣческое...

VI.

А она была надѣлана богатой натурой, именно всесторонне-человѣческой. Ея душа, какъ Эолова арфа, чутко откликалась на тончайшія движенія жизни. Горячіе ключи жизни слишкомъ могуче били въ ея душѣ, и она не могла заглушить ни одного изъ нихъ. И цвѣтущій талантъ былъ отравленъ...

Такъ думаю я, публика. Нѣтъ у меня красивыхъ сравненій, нѣтъ отечанонныхъ словъ. Не умѣю я стройно выразить, что потеряно въ ней искусство. Но зато я слишкомъ горько чувствую и знаю, что потеряла въ ней я. Ничей чарующій голосъ не будетъ уже проникать въ такіе глубокіе тайники моей души и будить тамъ такіе чувства, о существованіи которыхъ во мнѣ я даже и не подозревала, никто уже не будетъ смѣло трогать меня однимъ скорбнымъ взглядомъ божественныхъ глазъ, никто не сумѣетъ тихимъ, молчаливымъ жестомъ вызвать пламенные слезы...

Знаете-ли вы, люди, искусные въ словѣ, что одно появленіе ея на сценѣ, одинъ звукъ ея голоса, одинъ взглядъ ея очей, настъ, неискusstvenныхъ, но способныхъ непосредственно, безъ соображеній, воспринимать незримые, но горячіе и живые лучи таланта, — очищали, дѣлали лучшими?

Вотъ все, что хочу вамъ сказать я, публика. А вы можете думать и говорить, какъ хотите.

Голосъ смолкъ. Всѣ разошлись въ молчаніи. Больше никто не произнесъ ни слова.

Фингалъ.